

Тяньюань, год третий. Сяоцанфэн, пик Ланцанского бессмертного ордена. Снег на бамбуковых ветвях еще не сошел, и мелкие льдинки, словно песчинки, осыпались на землю.

Снежная пыль оседала на обнаженную спину юноши, и от холода его бледная кожа мгновенно покрывалась алыми пятнами. Мороз был лютым, но на юноше не было одежды. Его руки были скованы железными цепями, а сам он стоял на коленях.

Звук удара кнута разорвал тишину заснеженного дня. Палач вложил в удар всю силу, и на спине юноши тут же проступила кровавая полоса.

— Говори! Зачем ты торговал травой демонического ветра! — рявкнул человек с кнутом.

Юноша лишь глухо охнул от боли, но промолчал. Опустив голову, он едва заметно усмехнулся — в этой улыбке сквозила странная жестокость.

— Откуда у тебя эта трава?! — дождавшись тишины и не услышав ответа, палач снова взмахнул кнутом.

Удар последовал так быстро, что воздух отозвался свистом. На спине юноши крест-накрест легли новые раны, а его кулаки сжались до побелевших костяшек.

— Ха, — вдруг тихо рассмеялся юноша. Звук был едва слышным, словно он выдохнул его непроизвольно.

Палач опустил усеянный шипами кнут, решив, что юноша наконец готов заговорить, и прислушался.

— Великий... великий бог войны мира бессмертных — и это всё, на что ты способен? Только такие методы допроса у тебя остались? — Юноша поднял голову и вызывающе, с дерзким вызовом посмотрел на того, кто сидел под навесом крыши.

Там, действительно, сидел человек в простом лазурном одеянии, исполненный аристократической холодности. Он прикрыл глаза, нахмурившись, и белыми, тонкими пальцами лениво, но с явным нетерпением постукивал по подлокотнику бамбукового кресла.

Услышав слова юноши, он замер, а затем медленно открыл глаза. В его янтарных зрачках читались подавляющая мощь и жажда убийства:

— Смерть на пороге, а ты всё так же упрям.

Юноша вдруг рассмеялся — безумно, до слез, словно окончательно лишился рассудка:

— Давай, Яньмин! Убей меня! Ха-ха-ха-ха-ха!

Палач нахмурился и, не раздумывая, снова ударил кнутом:

— Наглец! Как ты смеешь так дерзко обращаться к бессмертному владыке Фумину!

Яньмин проигнорировал выходку юноши. Его взгляд, пустой и холодный, скользнул по израненному телу, и он равнодушно произнес:

— Похоже, ты не собираешься говорить.

Юноша холодно фыркнул в ответ:

— Что, великий владыка Фумин не смеет меня убить?

Взгляд Яньмина стал острым, как лезвие. Терпение его иссякло. Он поднялся с бамбукового кресла, и его меч Чаокуан почувствовал намерение хозяина, слегка завибрировав в ножнах.

— Хорошо. Я исполню твоё желание.

Яньмин с мечом в руке медленно направился к юноше. Услышав приговор, юноша вдруг расслабился, словно сбросил с плеч тяжелый груз. Его грудь тяжело вздымалась, он закашлялся кровью и поник, затихнув.

Яньмин подошел вплотную, неторопливо протер лезвие белоснежной тканью и приставил острие к самому сердцу юноши. Ему показалось, что перед лицом смерти тот утратил свою показную смелость: когда меч почти вонзился в плоть, юноша едва заметно вздрогнул.

— Что? Теперь боишься?

— Есть ли у тебя последние слова или вещи, которые ты хочешь передать семье? — Яньмин внезапно притормозил и тихо спросил.

Палач с сожалением смотрел на юношу. Непонятно, почему этот парень так стремится в могилу. Торговля травой демонического ветра — дело серьезное, но не смертельное. Если смотреть широко — это сговор с демонами, попытка навредить ордену. Если узко — глупость юности, жажда легкой наживы. За первое — смерть, за второе — порка и заточение.

Парню едва исполнилось двадцать, он был лишь учеником начальной ступени. Расследование показало, что он действовал один, без связи с демонами. Ему нужно было просто покаяться. Но с самого ареста он вел себя как безумец, провоцируя дознавателей, пока дело не попало к

владыке Фумину, который не терпел ни малейшего изъяна в своих рядах.

Видя, как дрожат худые плечи юноши, палач вздохнул и, смягчив удар, лишь слегка коснулся его спины кнутом:

— Если есть обиды или последние слова — говори сейчас, другого шанса не будет.

Но стоило кнуту коснуться кожи, как юноша вдруг дернулся. Его остекленевшие глаза внезапно расширились, он забился, загремев цепями. Юноша едва не подскочил на месте, а его голос, прерывающийся от холода, задрочал:

— Ссссс! Больно, больно, больно!

Выкрикнув это, он снова замолчал, настороженно оглядываясь по сторонам.

Яньмин нахмурился. Его терпение было на исходе. Он не понимал, какую новую игру затеял этот мальчишка. Только что он был готов умереть, а теперь в его глазах — лишь паника и растерянность.

Яньмин, глядя на него сверху вниз, не желал больше тратить время. Он сжал рукоять Чаокуана, готовясь нанести решающий удар.

Юноша, почувствовав давление на грудь, в ужасе отпрянул, пытаясь увернуться от меча:

— Постой, подожди!

Боги знают, в каком отчаянии находился сейчас Чу Цзинъянь. Очнувшись, он услышал вопрос о последних словах и подумал, что спит. Но острая боль от кнута мгновенно привела его в чувство.

Он всего лишь уснул, а проснулся внутри романа Путь бессмертных и демонов, который читал перед сном. И именно в этой главе! Его персонаж — пушечное мясо, ученик, торгующий травой демонического ветра прямо под носом у главного героя, владыки Фумина по имени Яньмин. Его поймали с поличным, а он, вместо того чтобы молить о пощаде, хамил и провоцировал владыку. Финал был предreshен: смерть от меча Яньмина.

Глядя на острие у своей груди, Чу Цзинъянь не раздумывая ударился лбом о землю, стараясь держаться подальше от лезвия. Если не просить прощения, он станет жертвой меча. В такой ситуации какая разница, насколько он покажется трусливым?

— Владыка! Я виноват! Пощадите меня! — Чу Цзинъянь с трепетом поднял голову, стараясь смотреть прямо в холодные янтарные глаза.

Меч, потеряв цель, недовольно дрогнул.

Палач безмолвно покачал головой. Опять этот мальчишка всё портит! Если бы он сразу покаялся, владыка наказал бы его по уставу. А теперь, когда смерть уже на пороге, что толку дергаться? Если бы он продолжал вести себя как герой, возможно, владыка проявил бы милосердие. Но теперь — поздно. К тому же владыка Фумин ненавидит хитрецов и манипуляторов. Такое поведение лишь толкает его в пропасть.

И точно, подтверждая мысли палача, раздался низкий, лишенный эмоций голос Яньмина:

— Почему же ты так яростно отрицал вину и рвался в могилу минуту назад? А теперь льстишь и каешься? Я вижу, что твоё раскаяние — ложь, а желание избежать наказания — правда.

Каждое слово владыки звучало как приговор, а меч Чаокуан отозвался на гнев хозяина призрачным синим сиянием.

Чу Цзинъянь остолбенел. Оригинал не каялся — умер. Он кается — тоже умирает? Да что за бред! Где система? Почему нет золотого пальца?

Чу Цзинъянь мысленно взвыл, но ответа не последовало. Когда Яньмин снова приставил меч к его горлу, юношу прошиб холодный пот. Похоже, это конец. Он пробыл в этом мире всего две минуты, и единственное, что изменил — способ собственной казни: вместо сердца проткнут горло.

В тот момент, когда Чу Цзинъянь уже готов был смириться, палач отложил кнут, поклонился Яньмину и осторожно произнес:

— Владыка Фумин, гнев ваш справедлив, но мальчишка молод и глуп, может быть... — он не выдержал и решил заступиться, а затем, подталкивая Чу Цзинъяня, добавил: — Говори! Зачем торговал травой? Откуда она у тебя?

Вопросы палача вернули Чу Цзинъяня к реальности. Он, не раздумывая, выпалил:

— Ради денег. На черном рынке у подножия горы.

— Почему молчал раньше? — спросил палач.

Чу Цзинъянь, преодолевая жгучую боль в спине, ухватился за последний шанс. Он посмотрел на Яньмина твердым, но умоляющим взглядом:

— Потому что... потому что я боюсь смерти. Я не хочу умирать...

Никто не знал, как горько ему было. Никакой торговли, никаких дерзостей — всё это делал не он! Но именно ему пришлось отвечать за чужие грехи.

Палач сделал всё, что мог. Теперь всё зависело от владыки. Чу Цзинъянь видел, что взгляд Яньмина по-прежнему ледяной, и последняя надежда начала гаснуть.

Яньмин заговорил, и от его слов кровь в жилах Чу Цзинъяня, казалось, застыла:

— Боишься смерти? Не хочешь умирать? Сначала ты торговал демоническими вещами, вредя собратьям. Затем вел себя как наглец, отказываясь признать вину. А теперь говоришь, что боишься умереть... Чем ты тогда отличаешься от коварных демонов?

Меч лежал на горле юноши, холодный и острый. Одно неверное движение — и лезвие перережет сонную артерию.

Чу Цзинъянь сглотнул, слыша над головой голос:

— Последние слова. Говори.

<http://bllate.org/book/18917/1849960>